

ЛИСАКОВСК — ЭТО Я И ТЫ

Не забудем никогда,
Как съезжались мы сюда
На призыв комсомольской стройки.
И встречали нас тогда
Лишь ковельная гряда
Да лишь запах польни стойкий.

Припев:

В мире все родились на свет,
Чтоб оставить свои следы.
Лисаковск — это наш след,
Лисаковск — это я и ты.

Было все: и пыль в глаза,
И весенняя гроза,
И работа в поту и в нервах,
Но врезались в небеса
Новостроек корпуса —
Долгожданных, желанных, первых.

Припев.

Дни, как стаи голубей,
Пролетели по судьбе,
Помяни их добром, не кисни!
Погляди, стоит теперь
Город наш среди степей,
Словно памятник нам при жизни.

Припев.

Что пока он невелик,
Ничего не говорит.
Лисаковск еще очень молод.
Важно то, что каждый блик
Из сердец и душ проник
В наш единственный в мире город.

РОВЕСНИКИ

Повезло нам родиться в месте,
Где гремел новостроек марш.
Мы росли с Лисаковском вместе.
Он и друг, и ровесник наш.
Хоть размерами не приметен,
Обойдете за час пешком,
А на улицах каждый третий
Пусть не друг, а на вид знаком.

Города есть получше вроде бы,
Но сравнения не нужны.
Лисаковск — это наша родина,
А у Родины нет цены.

Здесь знакомы уже до крохи
Каждый дворик и дом, и куст,
Казахстанского ветра вздохи,
Серебристого снега хруст.
Наших дач деревенский воздух,
Тишина городских аллей,
А во время прогулок поздних
Многоцветье ночных огней.

И нигде не найти дороже нам
И желаннее стороны.
Лисаковск — эта наша родина,
А у Родины нет цены.

Если кончится все разлукой,
То ночами в чужих местах
Будет он нестерпимой мукой
Навещать нас в красивых снах.
Будет сниться родная речка,
Тишиною воды дразня,
И скамеечка у крылечка,
На которой без нас друзья.

И чем больше в разлуке пройдено,
Тем яснее являясь в сны,
Будет звать и тревожить родина,
Доказав, что ей нет цены.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Война, планету растерзавшая,
Давно ушла в небытие.
И крепко спят в могилах павшие,
Сполна познавшие ее.

Они, скорбя, молчат до времени
Под гнетом грунта и травы,
Что знают все о нашем племени,
Прогнившим с ног до головы.

И то, что мы такие скромные,
Как и положено рабам,

Сдаем в наем страну огромную
Делягам, ворам и жлобам.

И что «державные властители»
По свету шастают с сумой,
Зовя плеяду победителей
Красно-коричневой чумой.

И то, что жизнь героев отдана
Не за понюшку табака,
Что враг униженный, растоптанный,
Живет, как нам не жить века.

А нам опять князья удельные
Сулят на завтра калачи
И делят дали беспредельные,
Но мы, как принято — молчим.

И невдомек, что мы, смолчавшие,
Уйдем в неведомый нам час,
А там, в могилах, наши павшие
За все на свете спросят нас.

МОЙ ПОКЛОН

Отец, ты помнишь сорой пятый
Пьянящий май, конец войны?
Побитым псом фашизм проклятый
Лизал сапог твоей страны.

Ты помнишь, как он извивался,
Дрожа трусливо под штыком,
Каким безропотным казался,
Но вам он был другим знаком.

В ваш дом явившись на рассвете,
Кровавой грязью наследил,
И так глумливо щелкал плетью,
Уже решив, что победил.

С того июньского рассвета
Года тянулись, как века.
Он в День Победы проклял лето,
Когда повел на вас войска,

Когда, готовясь к злему пиру,
Затеял эту кутерьму
И смерть пустил гулять по миру...
Теперь она пришла к нему.

Ты был частицею той силы
Весь свет сумевшей убедить
Что зло способно рыть могилы,
Но не способно победить.

Родства не помнящий, забудет
Пьянящий май, конец войны,
Но люди, если это люди,
Вам в пояс кланяться должны.

НАРОД И ВЛАСТЬ

Силе власти нет предела
И, в угаре дележа,
Кто-то жест широкий сделал,
Кто-то льстиво поддержал.

Кто-то подписи расставил
Легким росчерком руки,
И рванулись с песней к славе
Краснозвездные полки.

Шли форсированным ходом,
Зачехлив стволы на марш,
Чтоб слезами, кровью, потом
Утолить чиновью блажь.

Шли незваными гостями
И пришлись не ко двору,
Зачерпнув беду горстями
На чумном хмельном пиру.

Мать слезами захлебнется,
Уповая на судьбу:
В орденах сынок вернется
Или в цинковом гробу?

Искореженные трупы
Не сумеют покарать
Тех, кто зло, бездумно, тупо
Их отправил умирать...

...Рабски спины прогибая,
Гнев пщедушно затая,
Смотрим мы, как погибают
Наши с вами сыновья.

ВЫСОЦКОМУ

На надрыве пел, на надрыве жил,
Песни лил — хрипел, словно кровь из жил

То добра, то зла, слух не балуя,
Грех нас, текла правда алая.

Старцы ветхие сладко кушали,
Фразы меткие злобно слушали.
Тупо морща лбы, песни встретили,
Правды, якобы, не приметили.

Из беззубых ртов — лишь шипение:
«Что-то не про то это пение!
Ни таких лихих мы заставили,
Чтобы нас одних пели-славили!»

Но хрипит певец, да еще хохмит,
Не один стервец острым словом брит.
За крутой манер на него в штыки,
Он свой голый нерв надорвал-таки.

Больше нет певца, а хулители
Переделались во хвалителей.
Да не слышит он речь их сладкую
На Ваганьково за оградкою.

НОВОГОДНЕЕ

Давайте мы хотя бы в Новый год
Забудем про лишения и напасти.
И молча выпьем за простое счастье,
Которого нам так не достает.
А может, счастье есть, да не для нас?
А может, и для нас, да мы не видим,
Купая душу в мелочной обиде,
Кивая то на козны, то на сглаз.
А сами нетерпимы и горды
С любим, кто нам осмелится перечить,
Его пронзая смачным красноречьем
И пожеланьем всяческой беды.
А сами так бездушны к старикам,
Беспомощным и истинно несчастным,
Так равнодушны к мольбам их нечастым.
К дрожащим подбородкам и рукам.
Не надоело нам друг друга злить?
Ведя дебаты, будто депутаты,
Переходя с политики на маты,
Как будто что-то можем изменить.
Любой внутри себя возводит трон
Своей натуре неподкупно-страстной
И верит: в нашей жизни несуразной
Виновны все и каждый, но не он.

Так, может, правда — счастье не про нас?
Мы все грубы и души наши в саже.
Давайте же обратное докажем,
Хотя бы в этот новогодний час.

Хрупкое нежнейшее возданье,
И награда высшая, и суд,
Главная загадка мирозданья,
Наслажденья трепетный сосуд,
Ей в угоду срезивали шпаги
Жгли и возводили города
И клали головы на плахи,
И с ума сходили без стыда.
От ее чарующей напасти
Не спасает даже колдовство.
Цель богатства, доблести и власти —
Женщина, земное божество.
Со времен прекрасной грешной Евы
И до наших сумасбродных дней
Жизнью, этим даром несравненным,
Каждый человек обязан ей.
Мы уйдем, забудут наши лица,
И в веках, в которых нам не жить
Будет мир на Женщину молиться
И ее любовью дорожить.

КЛЯТВА

Я тебя разлюбить никогда не смогу.
Сам противник слепых преклонений,
Я, любя, в твоего превращаюсь слугу,
Без запросов и собственных мнений.

Я тебя разлюбить никогда не смогу.
На глазах стану тише и глаже,
Хочешь, вспыхну в огне?
Хочешь, встыну в снегу?
Хочешь, сделаюсь каменным даже?

Я тебя разлюбить никогда не смогу.
Даже если мне сделаешь больно,
Я стерплю и прощу и в ответ ни гу-гу,
Пусть меня называют безвольным.

А прикажешь ты мне: «Разлюби, не звони!»
Не обижу в ответ, не унижу,
Я тебя не смогу разлюбить, извини,
Жаль, что больше уже не увижу.

ЧУДО

Господи, я, кажется, свихнулся,
В голове сплошная кутерьма,
Не подумав, к Чуду прикоснулся,
И Оно свело меня с ума.

Я на этой жизни зубы выел.
Было все и всякое со мной,
Но признаюсь честно, что впервые
Ошарашен Женщиной земной.

Недосуг заняться мне делами,
Не могу ни бодрствовать, ни спать.
Столько слышал о Прекрасной Даме,
Вот и довелось ее узнать.

Здравый смысл с решимостью угрюмой
Тщетно донимал, меня, как мог:
«Отвернуть, остепенись, подумай».
Но устал, отчаялся, умолк.

Я ломлюсь, как в гулкое ненастье,
Наобум, наощупь, на авось,
И не знаю — привалило счастье
Или горе горькое стряслось.

МНЕ БЫ ВОВРЕМЯ НА ПОПЯТНУЮ...

Ненаглядная, непонятная,
Истерзала меня на нет,
Мне бы вовремя на попятную,
А я тот прозевал момент.

Но ни в чем не каюсь сегодня я,
Хоть себя не могу понять
И готов к чертям в преисподнюю
Лишь бы только ее обнять.

Кто-то в омут блаженно падает
От красот или льстивых фраз,
А меня ничего не радует,
Кроме ставших родными глаз.

И безвольно в даль непроглядную
Я бреду на манящий свет.
Мне бы стоило на попятную,
Но ни сил, ни желанья нет.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

А помнишь ночь среди зимы,
Где мы с тобой, почти чужие,
Как будто взяв ту ночь взаймы,
Нацеловаться влась спешили?

И я впервые ощутил
Твое тепло своею кожей,
Тяжелый млечный шелк груди,
На все бывшее не похожий.

Твой нервный вздох, и первый стон,
И нереальность очертаний —
Что это? Явь? А может, сон?
Нескромный плод дурных мечтаний?

Пугливых рук пыливый путь,
Опухших, влажных губ моленье,
Страх от возможности взглянуть
На обнаженные колени.

Текут года, как с гор вода,
Стирая даты, лица, краски,
Но не размыть им никогда
Волшебных бликов зимней сказки.

ВОПРОС

Неразбериха и раздор вселенский,
И цены бьют с оттяжкой по рукам,
И женский день, увы, не очень женский,
Поскольку в радость больше мужикам.
Не отыскать ни рыцарей, ни принцев,
И дуэлянты больше не живут,
А у мужчин давно сложился принцип —
Всецело полагаться на жену.
Она семью накормит и оденет,
Она, где надо, стукнет кулаком.
И не проплет в пыли последних денег,
А ночью будет ласковым зверьком,
Я обращусь ко всем с вопросом глупым,
Подсказки по незнанию не дам —
Откуда в нашем мире, злом и грубом,
Там много нежных и прекрасных дам?

НИЧТО НЕ ВЕЧНО

Зима на ладан льшит вяло,
От стужи собственной устав.
Снегов истлевших одеяла
На смертном ложе разметав.

Ручьи, проснувшись, отогрелись
И словно свора резвых псов
Вгоняют в грязь былую прелесть
Ее одежд, ее дворцов.

Все ниже-ниже опадает
Сугробов серая броня,
Весна капелями рыдает,
Сестрицу Зиму хороня.

Но трав весенних многоцветье
Своим явлением на свет
Всех убедит — нет вечной смерти,
Хотя и жизни вечной нет.

ДОЛБОНОИДЫ

Догадка на открытие не тянет
Секретом поделюсь не напоказ:
По всем приметам инопланетяне
Негласно навещали нас не раз.
Невидимы вооруженным глазом,
Не пойманы с поличным за грудки,
Но их весьма зловредные проказы
Окатывают волнами тоски,
Они на стенах вырубают маты,
Ломают на фасадах кирпичи,
В подъезды заливают химикаты
Со специфичным запахом мочи,
Скамейки вырывают по аллеям,
Живьем сдирают ветки с тополей,
Сосенки вырубают, не жалея,
Возможно, на растопку кораблей.
Для вас я приоткрою тайны полог
Мне их следы о многом говорят,
Проверьте, подтвердит любой астролог,
Что это долбоноидов отряд.
Они мелки, тщедушны и ничтожны,
Но кучей нападают не боясь,

А в одиночку очень осторожны
И не идут с землянами на связь.
Из опасенья, что, схватив за холку,
Забыв про воспитание и такт,
Их в «химикаты» окупят надолго
И скажут облегченно: «Есть контакт!»

В КАЖДОМ ЕСТЬ СВОИ ИЗЪЯНЫ

Где сады и травы пряны,
В меру сыгы, в меру пьяны
Обитали обезьяны
Всех мастей и всех пород.
Добрым нравом дорожили,
Даже семьями дружили,
Но по глупости решили
Выявлять главнейший род.
Все затеяла макака,
Забияка и кривляка.
Лезла прямо-таки в драку.
«Мы, — кричит — древнее всех!
Так давно живем на свете,
Что у нас от долголетия
На седалищном предмете
До бесстыдства стерся мех!»
Шимпанзе ей возразила:
«Ты, подруга, возомнила,
Будто в древности вся сила,
Что же дал вам долгий век?
Вы ж тупые, как колоды!
А из нашенской породы
И в ближайшие же годы
Может выйти человек!»
Все с укором зароптали,
А гориллы зло привстали,
В кулачища поплевали,
Дыбом шерсть, огонь из глаз.
В середину вышел старший,
Самый сильный, самый страшный
И спросил: «Кто несогласный?
Сила в силе — значит, в нас!»
Несогласных не нашлось,
Но такое началось,
Закружилось, разрослось.
Злость на злость и кость на кость,
Всем прибавилось заботы.

Каждый с каждым сводит счеты
Или травит анекдоты
О былых своих друзьях.
Стали черствы и бездушны,
Но зато хвалили дружно
Там где нужно и не нужно
Зарубежных обезьян.
А своих лишь проклинали,
Их детей в пыли пинали.
И уже не вспоминали,
Как жились когда-то им,
Как они дружили в стае,
Как соседей в гости звали,
Как отпор лихой давали
Злым обидчиков своим,
Как теперь, живя во мраке,
День за днем проводят в страхе.
Но однажды среди драки
Прокатилось над толпой:
«В каждом есть свои изъяны,
Все мы в общем обезьяны,
Почему же постоянно
Мы грыземся меж собой?»
Будто луч прорезал тьму —
В самом деле, почему?
Но в ответ еще сильнее
Беспощадный град камней,
И опять торчком щетина,
В ход и кол, и ствол идет,
И не ясно, в чем причина,
И не важно, с кем расчет.
Кровь и слезы постоянны,
Но не в этом суть сейчас.
Бойтесь — те же обезьяны
Появились среди нас.
Если кто-то зло и рьяно
Чью-то нацию клянет,
Знайте — это обезьяна!
Вы не слушайте ее.